

РЕГИОН КАК «ТЕКСТ»: РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА

*Головнева Елена Валентиновна,
Канд. филос. наук, доцент, каф. культурологии и дизайна, Уральский
федеральный университет, г. Екатеринбург
golovneva.elena@gmail.com*

REGION AS A TEXT: representative characteristic of phenomenon

*Goloovneva Elena Vladimirovna,
candidate of philosophy, chair of culturology,
Ural federal University, Ekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается усложнение понятия «регион» в современном научном дискурсе в связи с актуализацией субъективных факторов на фоне общего методологического «поворота» науки к изучению человека и пространства. Сопоставляются понятия «регион» и «текст», рассматриваются возможные формы репрезентации региона в современной культуре.

ABSTRACT

This article deals with sophistication of the concept “region” in contemporary scientific discourse in terms of relevance subjective factors in context of general methodological turn to human and space investigation. The concept “region” and “text” as well as the possible forms of representation of region in contemporary culture are considered.

Ключевые слова: регион, региональное пространство, текст, репрезентация.

Keywords: region, regional space, text, representation.

Регион приобретает онтологический статус, определенность, лишь в отношениях с другими объектами. Здесь возникает проблема представленности *Другому*. Кори Джонсон и Аманда Коулман, следуя концепции внутреннего ориентализма, говорят о намеренном позиционировании регионов как отличающихся от остальных, определенных территориальных образованиях, противостоящих национальным нормам и ценностям [4]. Конкурентная борьба, феномен бустеризма (продвижение стратегии быстрого развития региона любой ценой), вынуждает регионы самоопределяться по отношению к *Другому*, вести активную политику выработки моделей репрезентации, направленную на внешнее признание их личности и исключительности. Именно понятие «репрезентация» наиболее активно используется сегодня в терминах для описания возможных форм существования региона: «политическая репрезентация», «виртуальная репрезентация», «историческая репрезентация» и т.д.

В наиболее общем виде репрезентация означает представление одного в другом и посредством другого. С точки зрения теории отражения, репрезентация объекта – это его копия в идеальном плане, воспроизведение объекта. В рамках социального конструктивизма понятие «репрезентация» интерпретируется как ментальное образование, образ, имеющий, прежде всего, социальное происхождение. Репрезентация «высвечивает» определенные грани объекта и, в этом плане, создает, конструирует его. По словам Н.И. Мартишиной, «если базовой интенцией понятия "отражение", при всех необходимых оговорках, выступает все же образ зеркала, в котором видны находящиеся перед ним объекты, то понятие конструирования указывает, что это зеркало является интерактивным: в нем можно рассмотреть какие-то фрагменты изображения крупным планом, заретушировать другие, изменить цветовую гамму, оставить лишь силуэты, высветить неуловимое обычным взглядом, увидеть, как выглядел объект какое-то время назад и как он будет выглядеть в случае внесения определенных изменений, и т.д. Познание – это отражение в управляемом зеркале, и по самой своей природе оно создает новые (хотя бы в определенных отношениях) объекты» [8, с. 47].

Проблема репрезентации пространства впервые в наиболее полном виде была представлена в трудах французского культурного географа и философа-

неомарксиста Анри Лефевра. Репрезентация пространства, по мнению А. Лефевра, воплощается посредством образного языка знаков и символов. А. Лефевр приводит следующий пример: «Париж имеет свою икону – Эйфелеву башню...Меньше, чем за сто лет технический объект, который в свое время был технологическим манифестом, превратился в произведение искусства; ему приписывают эстетические качества: элегантность, гибкость, женственная привлекательность. Благодаря этой иконе видимый Париж приписывает эти качества себе» [6]. Кодификация окружающего социум пространства разрабатывается профессионалами, владеющими этим языком (культурным кодом) – архитекторами, скульпторами, планировщиками, художниками, учеными. Затем эти коды начинают считать все остальные, и репрезентация начинает воплощаться уже посредством этих созданных знаков и символов обывателями, повседневная жизнь которых неотъемлемо связана с этим сконструированным пространством. Жан Бодрийяр отмечает, что сегодня картографические репрезентации пространства имеют все больший приоритет над реальной территорией, которая есть область значений репрезентаций [1, с. 39].

Представляется, что на современном этапе в гуманитарных исследованиях региона идея множественности форм репрезентации может стать основной для анализа региона и также может решаться в конструктивистском ключе. Идея вариативности репрезентаций помогает обнаружить, какие способы восприятия могут быть задействованы при организации и оформлении региона, какие виды пространства включены в его контекст. По словам М. Фуко: «Пространство, в котором мы живем, которое выводит нас из себя, в котором происходит эрозия нашей жизни, времени и истории, которое царапает и грызет нас, есть также, в себе, гетерогенное пространство. Другими словами, мы не живем в пустоте, внутрь которой можно помещать людей и предметы. Мы не живем в пустоте, которую можно подсветить разными оттенками света, мы живем внутри набора отношений, очерчивающих несводимые друг к другу и не взаимозаменяемые места» [Цит.по: 9, с. 43-44]. Так, С. Лайман и М. Скотт предложили четырехступенчатую классификацию территориальности, которая может быть спроецирована и на региональное пространство: персональное, телесное пространство (так называемый «пузырь»), территория интеракции (непосредственного

взаимодействия), домашняя территория, общественная территория (публичное пространство, которое группа воспринимает как свое) [11].

За последние двадцать лет теория региона проделала значительный путь к признанию многообразия и плюралистичности жизни внутри региона. Большинство известных исследователей пространственных форм организации жизни людей, включая Мануэля Кастельса, Дэвида Харви, Саскию Сассен, Эдварда Соджа, Анри Пааси, признают неадекватность одномерного представления о регионе. Они отмечают появление в регионах новых видов компетентной деятельности, соприсутствие различных социальных групп, этнических общностей и культур, множественность жизненных стилей и стратегий. Признается, что регион растет в ходе экспансии, но он приобретает свой особый характер в ходе селекции и сегрегации своего населения, так что каждый индивид находит внутри него свое пространство, где он может жить, или же – где он должен жить.

Можно выделить в качестве самостоятельных (до некоторой степени) такие виды пространства внутри региона, как мифологическое, религиозное, художественное, метафизическое. В настоящее время в рамках культурной географии рассматриваются также архитектурное, социальное, антропологическое, текстуальное пространство региона. В конце 20 века формируется еще одно – виртуальное пространство, состоящее из мобильности вещей, людей, потоков, связей, которое представляет собой новые возможности и новые средства самопрезентации региона. В частности, это может быть создание виртуальных объектов и маршрутов в регионе, создание реальности, отстоящей далеко от исходной реальности пребывания человека.

Эти виртуальные портреты или образы называют в каждом случае по-разному: географы, привязывающие их к пространству, называют «географическими» или «историко-географическими» [2, 3], историки – «современными», «историческими», «историко-культурными», психологи – этнопсихологическими образами (стереотипами), этнологи – «этнокультурными». Построение этих образов является вторичным (наряду с первичным предметным) когнитивным конструированием [8, с. 28-29]. Эти образы «можно разворачивать, сворачивать, искривлять в виртуальном поле вполне сознательно, с целью получения его определенных свойств и эффектов» [3]. Именно в контексте множественности

репрезентаций и соответствующих им дискурсов становится органичной и обнаруживает свое истинное содержание идея конструирования региона.

Определенный регион представляет собой знаковую реальность, воплощенную в архитектуре и дизайне среды, территориальных комплексах, произведениях изобразительного искусства, литературно-поэтических текстах, сакральных местах и т.п. Однако, при всей значимости для формирования региона знаково-символических структур нельзя не отметить роль административного ресурса, позволяющего артикулировать свою отличительность принципиально новыми способами, поскольку «население, которому неведомы координаты своего политического существования, является обществом немых» (М. Грейффенхаген). Сюда можно отнести целенаправленное создание политического дискурса, конструирование новых значимых идентичностей, превращающих культурные и символические различия в политические. В современной действительности, по мнению Анри Лефевра, репрезентации пространства выступают чаще всего именно как репрезентации власти и идеологии, которые находят свое воплощение в обжитом пространстве. По словам А. Лефевра, пространство, как продукт, служит инструментом, как мысли, так и действия, оно, будучи средством производства, является одновременно средством контроля, а значит господства и власти, но при этом, как таковое, в определенной мере ускользает от тех, кто его использует [7, с. 27].

Российский географ В.Л. Каганский отмечает, что регион – аналог текста в самом широком смысле слова, и работа с ним – путешествие в мир контекстов [5]. Проблема репрезентации региона как раз и заключается в формировании особого текста культуры, поскольку «ландшафты, представляемые как красочный способ репрезентации среды обитания человека, могут исследоваться через множество источников и плоскостей: в картинах на холсте, в текстах на бумаге, образах в кино, так же, как и на земной поверхности» [10, р. 8]. В терминологии М. Роуз, «текст» становится значимым посредством его «воплощения» (*enactment*), которое определяется как «материальные акты и жесты, которые делают тексты распознаваемыми чертами социальной жизни» [13, р. 391]. Некоторые из этих «текстов» помогают «продавать» регион, а другие обращены к совершенно иным вопросам, например, к уникальности традиций в регионе. Предположение о

репрезентациях региона приводит, с одной стороны, к принципиально разным вербальным концептуализациям, с другой, - к фиксируемым беспристрастным наблюдателем различиям в образе жизни. Одни люди умеют различать региональные «тексты» так, что для них становятся существенными значимыми многие детали, другие - не придают этому значения, им присущ своеобразный дальтонизм в отношении к региону.

Любая репрезентация неизбежно создает рамки, стягивающие содержание региона к тем (заведомо ограниченным) контекстам, которые важно (интересно, выгодно) рассмотреть. В.Л. Каганский оценивает такой «рамочный» подход как непродуктивный, ибо «рамки могут быть сколь угодно изысканными, но они будут избирательными, далекими и неизбежно ориентированными на культурную моду» [5]. Представляется, что «рамочный» подход неизбежен и может быть эвристичным, если контексты (формы репрезентации) региона рассматривать не как чуждые друг другу, а как находящиеся в диалектической противоположности. Развертывание их диалектической противоположности означает не просто внешнее сопутствие друг другу, но и постоянное, активное взаимодействие между собой. Это один из источников богатства форм существования региона и его устойчивости, гибкости взаимодействия с внешним культурным окружением.

Проблема форм репрезентации региона может быть рассмотрена и в ином ключе – в терминах игровой концепции культуры. Регионы в поисках новой идентичности заимствуют существующие культурные образцы, но при отсутствии времени на ассимиляцию их внутреннего, «идеологического» содержания, осваивается только внешняя, репрезентационная их составляющая, создающая подобие тотальной игры. К примеру, Санкт-Петербург использует для позиционирования своей отличительности метафоры, подчеркивающие, что этот регион является «частью мировой культуры». Метафора «Новой Венеции» содержит ассоциации с утонченной дипломатией, мировой культурой и высокоразвитыми торговыми отношениями, метафора «Новый Рим» апеллирует к имперским и геополитическим аллюзиям, образ «Русского Амстердама» подчеркивает значение Петербурга как транспортного узла, в то время, как образ «Русского Бостона» выделяет Петербург как ведущий центр российского образования. Аналогичным образом Калининградская область претендует

на образ «малой России», символизирующей и представляющей стратегические интересы России в Европе [12, р. 189].

В настоящее время именно репрезентация регионов в публичном пространстве является основным критерием различения, само- и взаимных идентификаций. Андрей Макарычев отмечает, что в современном мире регионы являются акторами, которые не просто преследуют свои интересы, а, в первую очередь, вовлечены в конструирование и репрезентацию региональных идентичностей [12, р. 186]. Создание собственных региональных дискурсов, оторванных от федерального центра и не существующих в диалоге друг с другом, чревато тем, что регионы начинают выглядеть как «органы без тела» (термин С. Жижека). [12, р. 187]. Иногда попытки конструирования доходят до курьезных случаев. А. Макарычев приводит в пример региональный проект под названием «Смирновия», продвигавшийся в Ивановской области, где проживает большая часть населения с фамилией Смирновы [12, р. 190].

Каков операциональный статус региональных контекстов? Какие из них являются сегодня наиболее предпочтительными? Кто сегодня является потребителем знания о регионе?

Пожалуй, можно выделить несколько таких «адресных» групп. Это, в первую очередь, местные жители, которые, оценивая опыт развития других регионов и стран, обращаются к собственной территории проживания и определяют для себя региональное своеобразие. Это чиновники, мечтающие продвинуть собственный регион по шкале федеральной значимости. Это исследователи, работающие в рамках различных методологий (марксисты, модернисты, конструктивисты), которые продуцируют знание о регионе, дополнительно поддерживая его системой объяснений и обоснований. Это туристы и мигранты, не имеющие укорененности в данном регионе, но волей случая, оказавшись в нем, пытающиеся для себя определить его эстетическую и экономическую привлекательность. Главным смыслом здесь оказывается не формулирование единственного верного представления, а открытие поля конкуренции различных образов, активация групповых стратегий. Знание о регионе не существует вне отношения к позиции наблюдателя, социальных соглашений и культурно-исторического контекста. В таком ракурсе регион выступает

одновременно и как место пересечения подвижных культур, и семиотическое пространство, и пространство политической конкуренции, и место оседания и формирования локальных культур.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция /Пер. О.А. Печенкина. Тула, 2013. - 204 с. Электронный ресурс: <http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf> (Дата обращения: 12.02.2015)
2. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. – 488с.
3. Замятин Д.Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Мир России. 2002, №2. С. 105-136.
4. Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т.1. №2. С.107-125.
5. Каганский В.Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Информ. сб., 1997. Вып. 3. С. 61-64.
6. Лефевр А. Другие Парижи // Логос. 2008 №3 (66). С. 141-147.
7. Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. Том 2. №3.2002. С. 27 - 30.
8. Мартишина Н.И. Реальность и ее конструирование. – Омск: СГУПС, 2009. – С. 172 с.
9. Трубина Е.Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. 2011. №4. С. 34-49.
10. Daniels S., Cosgrove D. (eds.) (1988) Iconography of landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments. Cambridge: University Press. 318 p.
11. Jones E., Eyles J. An Introduction to Social Geography. Oxford: Oxford University Press, 1977.
12. Makarychev A. Identity and representation of Russian regions: Adopting a critical theory perspective // Journal of Eurasian Studies. 3 (2012). P. 185-192.
13. Rose, M. The seductions of resistance: power, politics, and a performative style of systems / M. Rose // Environment and Planning D: Society and Space. – 2002. – Vol. 20 (4). – P. 383-400.